

МОЛОДОСТЬ ТЕАТРА

ГАСТРОЛИ БАЛЕТА
«КОМИШЕ ОПЕР»
В МОСКВЕ

Алексей ЧИЧИНАДЗЕ,
народный артист РСФСР

Балетный коллектив берлинской «Комише Опер» существует всего семь лет. Большинство артистов — молодежь, главный балетмейстер Том Шиллинг тоже молод. Однако труппа уже завоевала популярность и у себя на родине, и за рубежом. Советские зрители во второй раз с удовольствием встречаются с искусством этих мастеров балета из Германской Демократической Республики.

Том Шиллинг знаком нам прежде всего как автор интересных балетных миниатюр — свободное владение законами хореографии малых форм составляет самую сильную сторону его яркого и оригинального дарования. Однако во время нынешних гастролей мы познакомились и с «полнометражным» трехактным спектаклем Шиллинга. Он создал оригинальную редакцию «Ундины». Мне понравилась в ней совершенно безоговорочно находки в заглавной партии: первое появление Ундины — ее поминие сказочное превращение из «морского дива» в

человека и, соответственно, обратное превращение в финале. Это начало и концовка роли принадлежат к самым интересным балетмейстерским удачам Шиллинга. Данные Ханнелоре Бей — исполнительницы роли Ундины — идеально совпадают с замыслом постановщика. Во всем, что делает артистка, — детская наивность и непосредственность, поэтому с первого мгновения в существование ее Ундины веришь безусловно.

Партнеру с такой балериной легко. Недаром Роланд Гавлик (Палемон) безупречно выполнил даже самые трудные поддержки.

Роланд Гавлик с Ханнелоре Бей образуют гармоничный дуэт, и смотреть на них — большое удовольствие.

Надменная, злая Беатриса в трактовке Аниты Хюттер представляет собой резкий и осмысленный контраст доверчивой Ундине, искреннему Палемону. Среди других участников спектакля следует назвать Юргена Хоманна (Тирренио — владыка морей) и ар-

тистов, занятых в партиях «персонала» яхты и свиты Тирренио. Их удачи тем более важны, что условия, в которых они выступают, не слишком благоприятны. Во-первых, непонятно и огорчительно сужение сценической площадки. Наша (и без того небольшая) сцена Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко сокращена тут чуть ли не вдвое. Актеры, скованные этими рамками, как правило, не могут добиться должной яркости и масштабности движения. Кроме того, они танцуют в окружении натуральных декораций — современной пляжной мебели, деталей оснащения яхты, настоящих... тюфяков и тому подобного.

Подобное «смещение сюжета» во времени представляется мне спорным. У каждой легенды своя эпоха, поэтому попытка лишить средневековое предание, восхитенное во времена балетного романтизма, конкретного исторического адреса постыдила, мне кажется, в затруненное положение самого балетмейстера.

Отмечая стремление хореографа пересказать историю Ундины средствами классического танца как явление весьма положительное, должен вместе с тем добавить, что Шиллинг не всегда добивается полной, драматургически обоснованной ясности происходящего. Мне все время доставало здесь более четкой режиссуры, особенно в эпизодах, имеющих важное значение для развития сюжета, как, например, сцена исчезновения Ундины с яхты: чем оно вызвано? И таких вопросов на протяжении спектакля возникает немало. Однако, когда наступает финальная картина, мы забываем обо всем — в ней юный, лучезарный талант Бей оборачивается к нам своей трагической стороной. Этот последний монолог Ундины представляется мне высшим поэтическим взлетом фантазии постановщика. Момент, когда Ундина рыдает над неподвижно лежащим на берегу Палемонем, надолго остается в памяти. Чудесное мгновение отчетливо выявлено и мастеру Иоахимом Виллертом. Музыку Ханса Вернера Хенце он прочитал по-настоящему глубоко, лирично, темпераментно, в соответствии с интерпретацией главных партий ведущими солистами.

Диапазон их возможностей так же, как и профессионализм всего коллектива, «в полном объеме» продемонстрирован программой «Ритмы», составленной из четырех одноактных балетов. Да, действительно, жанр хореографической миниатюры наиболее близок Шиллингу.

Шиллинг мастерски владеет эксцентрикой ритмов, эксцентрикой движений. Он тонко, без нарушения хорошего вкуса чувствует и понимает гротеск, юмор, шутку. Поэтому, наверно, он и выбрал для постановки «Матросов на берегу», известных у нас в «хресто-

матийной» версии американского балетмейстера Джерома Роббинса. Быть может, там сильнее выявлены характеры и ярче образность спектакля в целом. Зато у Шиллинга больше развита хореография. Широко развернуты и партии самих матросов, в которых появилось очень много новых, тоже ярко-комедийных штрихов, подчеркнутых «великолепной тройкой» исполнителей — Харальдом Вандтке, Клаусом Кретчмаром и Юргеном Хоманном.

В постановках Тома Шиллинга все время словно видишь юношески открытую улыбку, ощущаешь взгляд озорно прищуренных глаз балетмейстера, который досконально знает своих артистов — их привычки, вкусы, симпатии, все черточки балетного, театального быта. Из такого знания, из умения наблюдать и находить «подсмотренному в жизни» сценический эквивалент рождаются созданные в содружестве с композитором Зигфридом Маттусом «Ритмы».

Музыкально — танцевальный этюд блистательно исполнен ударником Вальтером Пичманом и шестнадцатью артистами труппы. Чтобы танцевать с таким энтузиазмом, явно наслаждаясь самим фактом пребывания на сцене, необходимо не только дисциплина — необходимо предельное доверие к своему балетмейстеру. Шиллинг явно завоевал такое доверие — это ли не высшее признание для хореографа!

С театром «Комише Опер» мы связаны тесной дружбой. И нынешний приезд в Москву балетной труппы, руководимой этим хореографом, останется впечатляющей страницей в истории творческих связей театров двух столиц — ГДР и Советского Союза.

● Ундина — Ханнелоре Бей.

Фото М. Ивченко.